

Юлия Боднарюк

Ковент-Гарден

Пять рассказов

16+

Юлия Боднарюк Ковент-Гарден

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59492398

SelfPub; 2020

Аннотация

В сборник включены пять рассказов – «Наименьшие потери», «Квартирник», «Кот», «Мрак» и «Ковент-Гарден». Большинство из составляющих книгу рассказов ранее были опубликованы в литературных журналах «Звезда», «Север» и «Аврора».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

29

Наименьшие потери

1.

Шарик соскользнул с медного обода и с треском заскакал по ячейкам. Анна поспешно отвела взгляд, зная, что предугадать, где он остановится, все равно невозможно, но успела заметить, что попадает он преимущественно в красные.

– Двадцать шесть, черное, – крупье поместила стеклянную метку на клетку в том ряду, на границе которого лежали её две фишки, и поставила рядом стопку втрое больше. За её спиной кто-то одобрительно ухнул и даже раздались аплодисменты.

* * *

Она слонялась по бульвару и пришла на терминал, когда вся очередь уже переместилась от окошек регистрации к турникетам у прохода на посадку. На пароме Анна сразу ушла на корму, села на скамейку, бросив рядом сумку. Серая вода шла рябью. Хельсинки провожал их дождем.

На корму выходили двери и окна какого-то из корабельных баров. Он был полон – то ли пассажиры собрались посмотреть отплытие, то ли отметить его, то ли это было обычным времяпрепровождением, и бар никогда не пустовал. Анну поразило то, как, едва взойдя на борт, все немедленно бросились развлекаться. Когда она сунула нос на прогулочную палубу (или променад, как было отмечено в плане судна), та уже кишела народом – люди листали меню в ресто-

ранах, перебирали сувениры и вешалки с одеждой в лавках, пространство наполнял многоязычный гвалт, звон вилок и грохот жетонов в игровых автоматах.

Дверь в бар то и дело распахивалась, выпуская вместе с курильщиками тепло и веселый гомон, и Анна почувствовала отвращение к этой беззаботности. Она одернула себя – они не виноваты, да и никто не виноват в том, что она делает. Анна всегда винила себя, и те, кто знал её, более всего ценили в ней это качество.

Прямоугольная гавань удалялась, рассеченная широкой пенной дорожкой. Капли стучали по перилам, и ветер то и дело забрасывал их на палубу, норовя попасть в девушку. Путешествие началось, хочет она того или нет.

Свою каюту она нашла не сразу – на самую нижнюю, вторую палубу спускался всего один лифт. Третья и четвертая были заняты автомобилями, а её уровень, по самым лучшим предположениям, находился где-то в районе ватерлинии.

Кабюта была очень просторная и темная. Утопленные в разных углах потолка круглые лампы даже в сумме давали не слишком яркий желтый свет, который, тем не менее, позволял читать. Она опустилась на единственную откинутую и застеленную койку, развернула программу круиза, которую сунули ей в руки вместе с посадочным талоном. Ансамбль африканской песни выступит на главной палубе, а затем – в ночном клубе. До этого будет шоу воздушных гимнастов.

Анна положила буклет. Нет ей дела ни до африканских песен, ни до акробатических трюков, ни до того, что это краткое морское путешествие – круиз. Просто она сказала, что боится летать, и ей пошли навстречу.

Анна не знала, боится ли она летать на самом деле. Она никогда никуда не летала.

Сначала, понятно, был порыв просидеть безвылазно в каюте до самого Стокгольма. Анна тут же заклеила его как показушный. Разыгрывать комедию (а точнее – трагедию) все равно не перед кем. Если она останется, мысли о завтрашнем дне задушат её за шестнадцать часов плавания. Лучше поскорее подняться наверх – к людям, к шуму, к жизни. К тому же, не мешало бы пообедать.

Она сделала полтора круга по прогулочной палубе, останавливаясь у всех заведений, разглядывая меню на четырех языках и прикидывая расходы. Два ресторана грозились вычерпать все финансовые ресурсы, в баре только наливали, кафе могло предложить лишь закуски и десерты, а закусочная – пиццу и бургеры. Анна заглянула и в ночной клуб, заявленный также как казино. Он еще не начал работу, здесь было малоллюдно, по танцполу и между столиками бегали дети. Весь первый этаж клуба был уставлен слот-машинами и детскими игровыми автоматами. «Странные у них представления о казино...». Только потом она заметила в углу три зачехленных до поры стола.

Анна ещё раз проверила кошелек, хотя точно знала, что там сорок четыре евро купюрами по десять и монетами по два, после чего решительно повернула к кафе. Выбрала салат с креветками, ягодное пирожное и кофе и отнесла свои тарелки к самому удобному столику у окна. Оказывается, она успела проголодаться, и салат проглотила, даже толком не распробовав. А вот пирожное оказалось вкусным и кофе, который она сама налила себе из кофе-машины – тоже. За толстым стеклом иллюминатора рябила темная поверхность моря, и в узкой полоске чистого неба над самым горизонтом, скупо разлив лучи по воде, в первый и последний раз за день показалось оранжевое солнце

«И впрямь как должно быть в кризисе!» Анна съела еще несколько ложек десерта, откинулась на удобную спинку кресла и вздохнула от удовольствия. И сразу вспомнила, зачем она здесь.

* * *

Анна долго не решалась подойти к рулетке. Фланировала поблизости, читала правила, смотрела на игроков за столом «блэк джека». У рулеточного стола все еще было пусто, и, в конце концов, она подошла первая.

– Двадцать шесть, черное, – крупье поместила стеклянную метку на клетку в том ряду, на границе которого лежали её две фишки, и поставила рядом стопку втрое больше. За её спиной кто-то одобрительно ухнул и даже раздались

аплодисменты.

Она выиграла на третьей ставке, и дальше продолжала выигрывать с поразительной периодичностью. Её игра привлекла других посетителей, у стола даже стало тесно, и дела пошли ещё лучше. Неведомый прежде азарт будоражил её изнутри, как слабый ток. Она ставила понемногу, но теперь её фишки уже были сложены в две стопки. Анна рискнула поставить одну из них на «красное», где минимальная ставка была 10 евро, и столбиков фишек стало три. Стоявший рядом с ней худой подвыпивший парень в клетчатой рубашке раз от раза всю первую дюжину засыпал своими синими жетонами, и крупье каждый раз сгребала их со стола. Анна же, если проигрывала, пропускала ход. Иногда это помогало.

...Она наращивала свой капитал около часа, а продулась быстро. Анна чувствовала легкую усталость, но уже настолько успела привыкнуть к внезапной благосклонности фортуны, что не предполагала иного исхода. Во всяком случае, пока ей ещё хватало жетонов, чтобы быстро наверстать потери. Анна подравняла оставшийся столбик фишек и поставила его на «черное».

Слева от неё вновь возник парень в клетчатой рубашке, сваливший после очередного проигрыша. Теперь его заметно покачивало, в руке он держал стакан с коктейлем. Подойдя к рулетке, он мимоходом приобнял её за плечи.

– Выигрываешь или проигрываешь? – поинтересовался он.

– Проигрываю, – буркнула Анна.

– Тебе надо попробовать играть в «блэк джек». Тебе понравится «блэк джек».

– Мне никогда не идет карта, – отозвалась она, следя за колесом рулетки. В конце концов, на кону были её последние фишки.

– Нельзя так думать, – заметил парень и отчалил.

Шарик упал в черную ячейку...

«Да!»

...и с последним толчком инерции перевалился на соседнее «зеро».

«А если б я сказала «win», я бы выиграла», – подумала Анна. – «Поделился своей непрухой!». Она сердито глянула в ту сторону, куда скрылся тип с коктейлем. Обменяла еще пару монет, быстро их проиграла, вышла из казино и стремительным шагом отмерила круг по променаду. Только тогда разбушевавшийся азарт и злость пошли на убыль, и девушка вдруг удивилась самой себе. И даже не себе, а той, незнакомой Анне, что яростно требовала вернуться, купить еще фишек, играть дальше и нелогично и безрассудно верила в свою удачу.

Но та, вторая, скоро исчезла, а единственная оставшаяся Анна уже поняла, что дело вовсе не в чужом невезении.

Нет, как обычно, дело в ней.

Рулетка вытянула из её «дорожных» (то есть последних) всего восемь евро, но учитывая исходную сумму и остаток этих дорожных, стоило схватиться за голову. В Стокгольм она прибудет без копейки, но ей было безразлично, что станет с ней по прибытии. Хуже того, ради чего она едет, все равно ничего не произойдет.

Прежде чем решиться на этот шаг, Анна голову себе сломала, день и ночь размышляя о том, какой выход связан с минимальными потерями. Пока, наконец, не признала, что вот он, похоже, и есть, этот самый выход. Поиск решения может быть бесконечно долгим, если есть время. Когда времени уже нет, начинаешь дергать все рычаги уже не думая, к чему это приведет.

...Нужно было спастись от этих мыслей, и она снова зашла в ночной клуб и поднялась на второй этаж. Здесь продолжалось вечернее шоу, цветные прожекторы метали снопы света, и его радужное зарево сверкало на блестящих нарядах певцов и танцоров. Длинные диваны были заполнены, зрители сидели даже на лестницах. Анна тоже опустилась на свободную ступеньку, и очень скоро эта пестрая феерия затянула и её. Песни звучали сплошь знакомые, из тех, что прокручиваешь в уме, когда особенно легко и все удаётся, и она стала подпевать негру в сверкающем пиджаке.

...It is now or never.

I ain't gonna live forever,

I just want to live, while I'm alive!¹

«Не сойти мне с этого места!», – подумала Анна. Она бы действительно с него не сходила. Это наваждение оказалось стойким и не сдавало рубежа бубнившему в сознании голосу, который не оставлял её ни на день вот уже несколько лет. И в разное время она квалифицировала его то как совесть, то как наиболее подлое проявление памяти.

– It's! My! Life!

Это не про неё. Это все не её жизнь. Она здесь как вор, который забрался в дом, не зная, что хозяева созвали прием, и теперь веселится, успешно затерявшись среди не знакомых друг с другом гостей.

«Да как ты можешь вообще!»

«Могу, черт возьми, да, могу! Я именно такая – пустая, глупая, поверхностная! И здесь есть все то, что мне нужно. А от тебя мне нужно только одно – чтобы ты хотя бы сегодня заткнулся и не мешал мне!».

Анна решительно подошла к бару и углубилась в чтение липкой на ощупь коктейльной карты. Можно ли ей сейчас пить вообще? Про это никто не упоминал.

А не всё ли равно? Она еще раз пробежала взглядом по перечню коктейлей и выбрала самый интересный. В реальности коктейль оказался синим, но на практике недостаточно крепким. Ничего, потом закажет еще.

¹ «(Это моя жизнь)/...Она сейчас или никогда/Я не собираюсь жить вечно/Я всего лишь хочу жить, пока я жив» – Bon Jovi

...В клубе окон не было, в казино они были плотно зашторены, и поначалу Анна постоянно забывала, что она на корабле. Теперь ощутимо качало. Палуба безо всякого предупреждения уходила из-под ног, и каждый такой её нырок доставлял непонятное удовольствие, позволяя на мгновение зависнуть в воздухе над полом.

Оркестр наяривал всеми любимые рок-н-рольные хиты, на танцполе стало тесно, а качка, вкупе с выпитыми коктейлями добавляла веселья в танцы. Какой-то скандинав, пригласивший Анну, бесконечно её кружил и раскручивал, так, что к концу песни ощущения напоминали полет в невесомости, и такая же блаженная невесомость царила в голове. Она будет танцевать всю ночь, а потом посмотрит, как в этих краях выглядит рассвет.

* * *

...Она поняла, что еще немного – и она уснет прямо здесь, в клубе. Публика хоть изрядно поредела, но веселиться не переставала – какая-то не юная парочка выделявала замысловатые фигуры на танцполе, а толстый финн, сидевший через столик, перехватывая её взгляд, широко улыбался и приглашающе кивал в их сторону. Композиция сменялась более спокойной, Анна снова закрывала глаза, и тогда брали верх качка и алкоголь. «Надо идти в каюту», – подумала Анна, но с места не тронулась. В её бокале было на два пальца воды – растаял весь лед. Огромное судно медленно переваливалось,

то на левый, то на правый борт. Она вспомнила, что когда отходили из порта, погода начинала портиться. Сейчас, возможно, настоящий шторм. Трудно было представить, какое волнение способно было заставить так раскачиваться громаду парома.

Идея пойти посмотреть на бурю окончательно её разбудила. Анна поднялась, кивком попрощалась с толстым финном и, с некоторым усилием сохраняя равновесие, стала спускаться по подсвеченной розовым лестнице. На миг её остановил треск рулеточного шарика. Казино все еще работало, но девушка не стала задерживаться, миновала холл с лифтами и вышла на открытую палубу.

Ветер, особенно сильный оттого, что был отягощен моросью, обхватил её за плечи, сквозь редкую вязку джемпера пробралась ночная сырость, и под их общим натиском быстро улетучился нестойкий коктейльный хмель. Ненастная ночь сомкнулась вокруг ярко освещенного белого судна, как тисками сжала его темнотой, и было очевидно, насколько неравны силы – света хватало лишь разглядеть рваные волны под самым бортом, а дальше уже ничего было не различить.

И вот на этом пяточке умеренно твердой почвы она наслаждается карнавалом, который умещается на небольшой сцене, и в крошечном игорном заведении играет так, будто рискует тысячами и сотнями тысяч. Все как настоящее, и, собственно – настоящее, но только уменьшенное в десятки раз. И это и есть её порция жизни. Ветер немилосердно хлестал

по щекам, словно будил после пьяной гулянки.

Это была беспомощная и глупая попытка, такая же, как и она сама. Завтра все встанет на свои места. Завтра в стокгольмском порту её встретит некто Карл Биргстрем, который считает, что за деньги можно купить все. Хотя это действительно так. Жизнь, например, иногда можно купить.

В плотной тьме она вдруг разглядела приближающийся силуэт встречного парома. Но удивление, вызванное оживленным движением на Балтике, резко сменилось необъяснимой тревогой. Только спустя несколько секунд Анна поняла, что именно не так – встречный паром шел без огней. Он все приближался – черный, безжизненный, – а она стояла, схватившись за перила, не в силах отвести взгляд.

Это был остров. Крутые скалистые берега она и приняла за борта, а поднимавшийся от них лес – за верхние палубы. Он медленно проплыл мимо по левому борту и скоро потерялся из виду в ночной мгле, а она продолжала ежиться на ветру и вглядываться в серые волны.

Первый шаг – на нижнюю планку лееров. Второй и третий – перенести через перила сначала одну, потом другую ногу. Разжать руки.

«И никто ничего не получит. Ни Инга, ни те люди в Швеции, ни я. Я меньше всех. Все останется как есть, только ещё хуже».

Нет, это худший из возможных выходов. Это вообще не выход.

Эти мысли не удивили её. Они давно стали привычными, они не стоили обдумывания, и она так же привычно отгоняла их. Она не искала в них смысла. Но мысли были настырными и лезли все равно.

Холод, который прежде почти не чувствовался, вдруг пробрал её до костей и прогнал с палубы. В холле Анна уже нажала кнопку вызова лифта, но пока он сползал с 12-й палубы на 7-ю, решила еще раз прогуляться по променаду.

Все магазины и кафе, кроме бара и закусочной уже закрылись. Анна дошла до конца прогулочной палубы и повернула обратно. Теперь здесь стало совсем свободно, но Анна бессознательно замедлила шаг. Когда она спустится в каюту, эта праздничная ночь разом закончится, и мысли набросятся на неё, как стая одичавших собак.

У неё еще оставалось немного денег, и Анна подумала, что единственное, что ей сейчас хочется – немедленно пропить их или проиграть. Да будет ли у неё ещё такая возможность в череде выверенных жестокой необходимостью разумных поступков? Она хотела подняться в бар и уже прошла несколько ступенек, когда решила избрать второй вариант. Только проигрывать следует побыстрее – сон просто валил её с ног.

В углу зала все ещё шла игра – грузный мужчина медленно, заторможенно, ронял из пригоршни фишки на клетки игрового поля. Крупье следила за его ставками равнодушным усталым взглядом. Анна протянула ей десятку, а потом еще

четыре монеты по одному евро. У неё возник соблазн сразу поставить всю стопку на «зеро» – она была уверена, что уж ноль-то ни за что не выпадет. Но она ограничилась четырьмя фишками, наменянными с мелочи. Выпало «33». Анна оглянулась через плечо – теперь и здесь было пусто, даже музыка стала не слышна. Здоровяк тоже продулся на этом ходе и ушел. Анна подравняла оставшуюся стопку фишек и поставила все на «черное».

Шарик крутился бесконечно долго и долго не мог утомиться потом, пока, наконец, не лег в черную ячейку. Крупье улыбнулась и подала ей еще 10 фишек.

Анну потряхивало от усталости. Можно не имитировать азарт. Скоро у неё будет сколько хочешь денег. Вернее, сколько надо. Выиграй она сейчас хоть тысячу – настроение ей это вряд ли улучшит. Тысяча не решит проблему, а сумму, которая может что-то решить, на рулетке не поднимешь.

Двумя руками Анна подвинула обе стопки на «зеро». Посмотрела на табло – «зеро» не выходило ни разу, – и, поддавшись мгновенному импульсу, быстро переместила всю ставку на «23».

На этот раз шарик наматывал круги еще дольше. Настолько долго, что Анне стало обидно столь намеренно спускать последние деньги. Ставку она не сняла, но не удержалась и сдвинула все фишки на границу с клеткой 24. Сразу вслед за этим раздался треск, ставший за этот вечер столь привычным, что Анна даже усмехнулась, почувствовав себя завсе-

гдатаем игорных домов. Этакой светской дамой, которая не считает деньги и просто устало доигрывает, чтобы убить время...

– Мои поздравления, – улыбнулась крупье, ставя свою стеклянную метку на «24».

* * *

Триста сорок евро выигрыша внесли некоторую сумятицу. Иначе говоря, желаемый эффект был достигнут, и Анна спустилась в каюту, действительно думая совсем не о том, о чем морально готовилась думать.

С ней неожиданно случилось то, чего никогда прежде не случалось. Ей повезло.

Забыв обо всем, она даже попрыгала в своей каюте. Сон слетел, будто его и не было. И, смывая макияж с век, Анна напевала мелодийку из старого фильма и улыбалась сама себе, видя в зеркале свои блестящие от возбуждения глаза.

Она легла в постель и повернула выключатель. В темноте стала заметна широкая щель под дверью, и живое изображение Анны тут же дорисовало вокруг почтовый ящик, в котором предстояло провести ночь. Она закрыла глаза. Качка здесь почти не чувствовалась. Где-то совсем рядом раздавался равномерный стук машины. Поначалу он действовал на нервы, но скоро Анна привыкла к нему и перестала замечать. Это был наиболее доступный для неё путь решения проблем, решить которые она была не в силах. Которые по-

стоянно вставали на пути. Из которых состояла её жизнь.

Стараясь отвлечься от нахлынувших дум, Анна стала мысленно конструировать заново окружавшее её пространство. Её каюта. Четыре ряда кают на нижней пассажирской палубе. Машинное отделение под полом. Поршни, электрическая тяга (она очень плохо себе представляла, как это выглядит). Над всем этим и над ней – десятиэтажный дом из парковок, кают, кафе и магазинов. А прямо за её затылком – борт судна (думается, достаточной толщины), а за ним – только холодная тьма Балтийского моря. Еще ниже, под машинным отделением и днищем – киль, тоже, должно быть, высотой с многоэтажку. Как только он не царапает по дну! Так, а какая же глубина под ней?

Анна поймала себя на том, что вот-вот заснет, и огорчилась, ибо зафиксировать этот момент в сознании – верный способ надолго спугнуть сон. Скоро она заметила, что старательно, через силу зажимается, а когда мышцы лица начало сводить, открыла глаза.

Открыла и ничего не увидела. В каюте было темно, как в погребке, даже из-под двери не пробивалось света. Но не это настораживало и заставляло выпутаться из начинающего подступать сна. Было тихо, вот что странно. Только немного качало.

Мы что, стоим? Но стоянка в Мариехамне гораздо позже. Выходит, судно остановилось дрейфовать в открытом море? Интересно, успела она уснуть? И как давно стоит парход,

и почему такая темнота? Может быть, на полу каюты уже вода, поэтому и не видно света из-под двери. А сигнала тревоги она попросту не услышала. За дверью так тихо, что, может быть, она уже вообще одна на этой палубе ниже ватерлинии.

Она долго прислушивалась к окружающей её напряженной тишине, и, в конце концов, различила тихий звук, похожий на всплеск.

Хорошо, если так, что она будет делать? Вскочить, распахнуть дверь, броситься к лестнице... До главной палубы пять этажей...

...Она не успеет. И дело даже не в том, что не бежит она с такой скоростью. Её ставка в этой игре заведомо проигрышна, как проигрышна каждая ничтожная ставка. Её жизнь ничего не стоит. Она не чувствовала ни сожаления, ни страха, просто констатировала факт. Это гораздо более привычное для неё, и, стало быть, закономерное развитие событий.

Нет, ну а если вскочить, натянуть джинсы, свитер, ботинки, схватить куртку, сумку с документами...

Стоп. Документы как раз брать не надо.

Эта идея её неожиданно воодушевила. И почему она решила, что не успеет? До главной палубы пять этажей – по 10-15 секунд на этаж, можно взлететь по лестнице за минуту. Она не думала о том, как действовать дальше, это было и не важно, главное – выбраться из этого трюма.

Но сначала лучше все же узнать, что случилось.

Не открывая глаз, она спустила руку с койки и тянулась,

пока пальцы не наткнулись на совершенно сухой ковролин пола. В ту же секунду она различила шум двигателя, по-прежнему ровный и спокойный.

Ей все ещё хотелось спать, но по коридору то и дело топали шаги, слышались глухие неразборчивые голоса. Анна на ощупь нашла на столике часы. Зеленоватые фосфоризирующие стрелки показывали без четверти девять.

Она проспала и рассвет над Балтикой, который хотела встретить, и большую часть времени завтрака. Но все это было мелочью по сравнению с тем, что дорога подошла к концу, и теперь уже ничто не отсрочит неизбежного.

* * *

Больше она не могла думать ни о чем другом. В таком подавленном состоянии Анна поднялась в буфетную и пристроилась в очередь, медленным потоком обтекающую столы с сосисками, ветчинами, омлетами и булочками. Её неожиданно замутило от количества и запаха еды, поэтому она положила себе на тарелку только круассан и кусочек омлета, налила стакан сока, и повернула к столам, откуда доносился веселый гомон и, кажется, не было свободных мест.

В глаза ей ударил свет сверкающего в солнечных лучах миллионом искр моря и яркого неба. Природа стряхнула с себя вчерашнюю серость и ночной шторм и теперь развернулась во всей красе. Анна второпях проглотила завтрак и поспешила на палубу. Паром уже зашел в шхеры, далеко впер-

ди были видны многоэтажки городских окраин, а над скалистыми откосами берегов сияли золотом березовые рощицы.

Здорово, должно быть, приезжать сюда из города на велосипеде, сидеть на припорошенном желтыми листьями мху над обрывом, вдыхать осенние лесные запахи, смешавшиеся с запахом водорослей, подставлять лицо нежному октябрьскому солнцу и наблюдать за тем, как идут заливом огромные белые парходы.

Здорово, но ей не светит. Она приехала не за тем.

Анна заставила себя уйти с палубы. Медленно спустилась она в каюту, собрала и впихнула в сумку свои пожитки, и, даже не пытаясь влезть в переполненный лифт, поплелась по лестнице.

Пассажиры собрались на променаде. За стеклянными дверями уже был виден тоннель, но сами двери пока не открывали. Зажатая между группой японцев и огромным зеленым чемоданом, Анна оглядывала окна кают, поднимавшиеся к самому куполу, где вчера крутились гимнасты, вывески ресторанов, магазинов, ночного клуба. Словно здесь, на борту, истекают последние минуты счастливой жизни, и дальше ждет только мрак и безысходность. Но разве до этого у неё была счастливая жизнь? Если только здесь, на пароме, когда решение уже было принято, но до его приведения в исполнение была целая ночь. Ночь в отрыве от суши, от связи, от знающих её людей и оставшихся дома проблем, от той самой себя, которой ей до смерти надоело быть.

Она брела по длинному рукаву перехода, сумка оттягивала руку. Что, если вернуться, сказать, что забыла какую-нибудь вещь в каюте, а потом затеряться на пароходе, который сегодня же уходит в обратный рейс? То, что она сошла на берег, нигде не фиксировалось. На пароме можно будет сесть в каком-нибудь кафе, дожидаться отплытия, а потом всю ночь провести в клубе. Она думала и продолжала брести вперед – ведь это тоже не было выходом; переход шёл под небольшим уклоном, и Анне казалось, что она просто катится вниз, набирая скорость.

...Карл Биргстрем оказался высоким и худым мужчиной с грустным лицом измочаленного жизнью человека. Это ощущение лишь усиливали прямоугольные очки в черной оправе, которые он постоянно поправлял, словно ища баланс на тонкой переносице. Он протянул руку, и Анна пожала её.

– Как я рад.

Голос у него был бесцветный, как будто он устал после произнесения долгих речей. Но даже этот голос не мог скрыть радость, столь огромную и искреннюю, что Анна окончательно впала в уныние.

2.

На парковке им мигнул поворотниками серый приземистый «вольво». Биргстрем положил сумку Анны на заднее сидение и сел за руль.

– Клиника находится в Кунгсхольмене, а вот пансионат, где останетесь на время обследования, немного в другой стороне. Сперва придется заехать в клинику, уладить кое-какие формальности, – он замолк и предложил. – Хотите, я поеду через центр?

Анна пожала плечами.

– Все равно. Давайте через центр.

...Машина то и дело взбиралась на горки, а потом плавно скатывалась с них. Солнце скрылось, но открывавшийся с каждым поворотом город был хорош и без солнца. Тесные улицы, где узкая проезжая часть казалась зажатой с обеих сторон высокими стенами, не угнетали, а царивший везде серый тон не казался холодным, не вызывал грусти. Наоборот, город дышал какой-то удивительной свободой – свободой от необходимости куда-либо спешить, суетиться, решать нерешаемые проблемы.

«Почему здесь?» – думала Анна. – «Почему мне пришлось приехать сюда, а не в какой-нибудь бешеный мегаполис, не в провинциальную промышленную дыру, не в какое-то другое место, которое закономерно вызвало бы тоску или раздражение? Которое я потом легко могла бы ненавидеть».

Вслух она спросила:

– Это мы уже в центре?

– Вы бывали прежде в Стокгольме?

– Я не бывала нигде.

Карл Биргстрем кивнул, приняв её ответ к сведению, не отрывая глаз от дороги, хотя машина вползала на очередной холм на скромной городской скорости. Анна даже успела прочитать название у входа на станцию метро – «Остермальм».

– Да. Сейчас выедем на Страндвеген, увидите. Мне жаль, но, боюсь, толком не смогу показать вам город. Нет времени.

– Не беспокойтесь, – отозвалась Анна. – Мне это не нужно.

Биргстрем покосился на неё. Анне показалось, что он хотел что-то сказать, и даже начал проговаривать ответ про себя, но озвучивать отчего-то не стал, и снова уставился в лобовое стекло.

Анна отвернулась к окну. Было ясно, почему Биргстрем обрывал любую беседу. Он боялся узнать её лучше, чем требовалось для дела. Для него она была не человеком, а контейнером с ценным грузом. На ум пришла нарядная свинья-копилка, которую жалко разбить.

Ей всегда приходили на ум глупые ассоциации. Все же с ними было немного веселее.

Серый «вольво» проехал коротким участком набережной – вдоль неё выстроилось множество катеров и яхт. Отсюда открывался вид на рыжий от осенних крон островок и башни и шпили за ним. Затем машина вновь нырнула в сетку улиц.

– Не забывайте, скорее всего, они будут интересоваться,

вы – сестра Кайсы, – внезапно прервал затянувшееся молчание Биргстрем.

– Какое совпадение, – тихо отозвалась Анна.

– Я сказал, что сестра, потому что Кайса моложе меня на одиннадцать лет. Она немного постарше вас, но ей еще нет тридцати.

Он запнулся, но Анна по-прежнему молчала, и он поспешно продолжил, словно считая себя обязанным объяснить все здесь и сейчас, немедленно.

– Почечная недостаточность у неё уже давно. Но чем дальше, тем хуже. Вы не представляете, какой ад её жизнь, особенно в последние два года. Все эти ...

– Скоро представлю, – буркнула Анна.

Биргстрем аккуратно вывернул к тротуару и остановил машину.

– Анна, пожалуйста, простите меня!

– Я вас не виню. В этом нет смысла. Почему вы остановились?

Он замялся, и тогда Анна поняла, что он всерьез готовился не то утешать её, не то извиняться и объясняться. Но вместо пояснений Карл спросил:

– Что заставило вас на это пойти?

– Сестра.

– А вы... не можете помочь непосредственно ей?

– Ей не нужна почка. У неё проблемы с сердцем. С детства.

– Где она сейчас?

– Она в Германии, – глядя перед собой, отозвалась Анна, – ждет операции. А клиника ждет оплаты.

Она метнула суровый взгляд на Биргстрема, обрубая дальнейшие расспросы. Но он и без того молчал. А Анна продолжила:

– Мы слишком долго собирали на операцию. Постоянно были нужны лекарства... и срочные вмешательства, и восстановление после них. Так мы дотянули до того, что это стало почти что вопросом жизни.

Она обернулась к Биргстрему.

– И сейчас я могу решить этот вопрос окончательно.

– Вот так? – подал голос Карл, выждав должную паузу и полностью проигнорировав поставленную ею жирную точку.

– Это оказался единственный доступный способ. Ведь никто не даст такую сумму просто так, верно? – грустно хмыкнув, она подняла на него голубые глаза, пожалуй, слишком светлые и оттого немного теряющиеся на лице.

Биргстрем промолчал, но во взгляде читалось упорство человека, решившего не соглашаться.

– Вы бы тоже не дали, элементарно потому, что вам самому нужна помощь.

Он кивнул несколько раз подряд, машинально, как замшевая собачка на «торпед», но и это не означало согласия.

– Так не должно быть.

– Не должно. Но так есть.

Позади остался второй мост и Анна, ни разу не развернувшая прихваченную с парома карту города, чувствовала, что дорога близится к концу. Теперь они ехали по длинной аллее, расчерченной посередине трамвайными путями, над которой сомкнулись сводом лимонно-желтые вязы.

Невольно девушка стала следить за Карлом, но для того её внимание осталось незамеченным. Он был сосредоточен, но на чем-то своем, внутреннем, и Анна могла бы забеспокоиться, не будь аллея перед ними совершенно пуста.

Интересно, сколько лет Биргстрему? Лет сорок, ну может, сорок с хвостиком. Нет, меньше, он же сам сказал. Усталость от непреходящих забот высушила его, причем менее всего – внешне. Тут она поняла, что именно в нем показалось ей знакомым в первые минуты встречи. Эта иллюзия, что он в любой момент может упасть под тяжестью неподъемных проблем и они напоследок похоронят его, громадой обрушившись сверху.

...Их свел знакомый Карла, оказавшийся в её краях. До того, как Анна отправилась в Швецию, они всего лишь раз коротко поговорили по телефону. Все переговоры шли в переписке, и за стандартными электронными письмами ей виделся сухой, деловитый человек, не слишком стесненный в средствах и не склонный к обсуждению иных сторон вопро-

Да, она здорово обманулась в своих ожиданиях, но что ей это даст? Еще одно утешение? Возможно. Инга вылечится, и мама перестанет жить в постоянном страхе потерять младшую дочь, и Кайса Биргстрем тоже вылечится, и, возможно, сам Биргстрем не будет таким печальным и замученным. И все это благодаря ей.

Вернее, за счет неё.

– Я даже не поинтересовался, чем вы занимаетесь дома? – снова подал голос Биргстрем, вовремя прервав её размышления.

– Я работаю медсестрой.

– Тоже из-за сестры? Сестра вас младше?

– Да. Через год заканчивает школу.

– Не жалеете, что...

– Жалею.

– Вы много делаете для неё, – заметил Карл.

– Так получается, – Анна нервно заправила за уши свои светлые волосы, подстриженные каре, рассеянно откинула рукой прядку, выбившуюся из подколотой надо лбом челки. – Иногда мне кажется, что других путей просто нет, и все остальное существует для кого угодно, но не для меня.

И повернув голову, снова увидела печальный и рассеянный взгляд Биргстрема. Минута – и он стряхнул с себя эту рассеянность. «Вольво» свернул на дорожку меж вязами и въехал в широкие каменные ворота, и по короткой подъездной дороге подкатил к одному из низких белых зданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.